

Расстрел Ирбитских купцов

В Государственном архиве Ирбита на хранении находятся документы Ирбитской следственной комиссии Временного Сибирского правительства, касающиеся расстрела двадцати двух граждан города Ирбита 26 июля 1918 года. Эти документы были рассекречены только в 1993 году. В деле находятся протоколы допросов свидетелей, дознание и протокол судебно-медицинской комиссии осмотра трупов.

По мере продвижения Сибирских войск на Урал большевики, стоявшие у власти в Ирбите, начали проводить аресты именитых граждан города. Целью арестов было вымогание контрибуции на нужды большевиков, а также были нужны заложники. В случае захвата белыми города красные хотели гарантий безопасности своих родных и близких, которые могли остаться в городе. Пик арестов наступил после 20 июля, когда белые захватили Тюмень и выдвинули войска по направлению к Тавде и Камышлову. Из 22 расстрелянных 14 человек были арестованы в этот период. Основываясь на списке арестованных, составленном при допросе начальника тюрьмы Ивана Николаевича Семеновича, и свидетельских показаниях выяснились даты и обстоятельства арестов расстрелянных.

7 июля

Был арестован Казанцев Василий Владимирович как заложник. На него была наложена контрибуция в 100000 рублей, но затем уменьшена до 20000. После того как он их выплатил, с него стали требовать остальные 80000 тысяч, которые он выплатить отказался.

Любимов Федор Сергеевич был прапорщиком 168-го Ирбитского запасного полка. После погрома в городе в ноябре 1917 года стал начальником дружины по охране Ирбита. Дружина была распущена после прихода к власти большевиков. Утром 7 июля у Любимова был произведен обыск, отобраны шашка и погоны, а сам он отправлен в тюрьму.

Шишкин Иван Давидович арестован двумя красноармейцами, которые, проводя у него обыск, искали какой-то револьвер.

10 июля

Удинцев Сергей Яковлевич был арестован как заложник. На него была наложена контрибуция в размере 20000 рублей. По его просьбе сумма была уменьшена до 10000, которую он и выплатил, но все равно не был отпущен на свободу.

Эфрус Моисей Львович, служащий железной дороги, по словам его жены, заведовал каким-то пунктом, каким – точно она не знала. Он был родственником богатого горожанина под такой же фамилией, и, возможно, его арестовали по ошибке. В его доме красноармейцами был проведен обыск, но ничего найдено не было. Ночью под руководством члена Чрезвычайной комиссии Торопова был проведен повторный обыск. Было отобрано бумаги и почтовых конвертов на 200 рублей. Была наложена контрибуция в размере 20000 рублей, которую по просьбе жены Эльки Мовшевны председатель комиссии Ершов снизил до 5000. Ершов же сообщил, что Эфруса обвиняют в спекуляции.

11 июля

Стихин Михаил Иванович. Какие-либо сведения о нём отсутствуют.

17 июля

Егоров Михаил Васильевич (расстрелянный, из большевиков).

Шальков Григорий Васильевич. Сведения отсутствуют.

22 июля

Грушин Иван Семенович был директором Ирбитской учительской семинарии, после упразднения большевиками земских учреждений стал председателем отдела народного образования. Был беспартийным, отношения с большевиками были хорошие. После съезда учителей, где выступал Грушин, и где, по слухам, из его уст прозвучали нелестные слова о Советской власти, он был арестован. Приказ об аресте отдал комиссар по народному образованию Алексеевский, а арест проводил командир Сибирского отряда прапорщик Бобылев Н.А. Контрибуции наложено не было.

Емельянов Николай Яковлевич – преподаватель учительского института.

23 июля

Мензелинцев Николай Александрович. Был арестован по приказу члена Чрезвычайной комиссии Шамарина Ивана Ивановича как заложник. Контрибуции наложено не было.

Дружицкий Константин Феофанович. Был учителем математики и астрономии. Преподавал в мужской и женской гимназиях. Был делегатом от Ирбитского учительства на 7-м Всероссийском съезде учителей в 1918 году. В последнее время был мировым судьей. Арестован как заложник, без наложения контрибуции.

25 июля

Рудаков Василий Тарасович был арестован как заложник, с наложением контрибуции в 11000 рублей. После выплаты этих денег было наложено еще 20000 рублей, которые он заплатить отказался.

Отец и сын Зязины, Дмитрий Васильевич и Александр Дмитриевич, подверглись аресту как заложники. Они выплатили контрибуцию в 500000 рублей, затем было наложено еще 170000 рублей, которые выплатить отказались. Со слов дочери Зязина выяснилось, что арестовали их по распоряжению Шипицина Никандра Сильверстовича и Черемных Владимира Цезаревича.

Котомин Василий Абрамович арестован как заложник каким-то мужчиной и женщиной в мужской одежде. Наложённая контрибуция в 5000 рублей выплачена не была.

Зенков Павел Ефимович. 23 июля на него была наложена контрибуция в размере 10000 рублей. Была прислана бумага от советских властей с угрозой конфискации всего имущества в случае неуплаты. В связи с затруднительным финансовым положением контрибуция выплачена не была. У Зенкова был проведен обыск, были отобраны деньги в сумме 6440 рублей. 1040 рублей были возвращены обратно по просьбе жены Павла Ефимовича. Около 17 часов он и его сын были арестованы двумя мужчинами и женщиной в военной форме. На извозчике уже находился арестованный Вирбитских И.Д. Их отвезли в Чрезвычайную комиссию, находившуюся в доме Казанцевых. По указанию председателя комиссии Ершова сын Зенкова был отпущен. Зенкова и Вирбитских отправили в тюрьму.

Лопатков Александр Иванович, владелец типографии, сын бывшего Городского головы, арестован как заложник с наложением контрибуции в 10000 рублей. По просьбе его жены сумма была уменьшена до 5000 рублей.

Вирбитских Иван Дмитриевич арестован как заложник. Контрибуцию в 40000 рублей заплатить отказался.

Рудаков Михаил Селиверстович. Сведения отсутствуют.

Шипицын Петр Андреевич арестован как заложник. Наложённая контрибуция составила 25000 рублей. Заплачено 3000 рублей.

Пахомов Владимир Иванович арестован как заложник. За три дня до расстрела он получил бумагу с требованием уплатить 10000 рублей контрибуции. Он поехал в Совдеп и внес 3000 рублей. Там из членов никого не было, и деньги приняли какие-то мальчишки. В 7 часов вечера к нему домой приехали 7 человек военных, среди них была женщина. Пахомова дома не было. «Гостей» принимала его мать, они заявили, что на Пахомова наложена контрибуция в 10000 рублей, и что за невнесение суммы Владимир будет арестован. Не дождавсь его, они, оставив двух человек, уехали. Вернувшись через час Владимира арестовали и отвезли в дом Казанцевых. Через некоторое время он принес квитанции за уплаченные 6000 рублей. Остальные 4000 он решил не отдавать, а отсидеть в тюрьме. В час ночи к Пахомовым постучался пьяный член Чрезвычайной комиссии Торопов, и зачем-то стал просить узду и седло. Мать Пахомова ответила, что у них нет ни того, ни другого, и он ушёл. Потом уже она догадалась, что он приходил за оставшимися деньгами.

Арестованные: купец первой гильдии, крупный домовладелец, постоянный гласный уездного земского собрания Д.В.Зязин, купцы и торговцы В.В.Казанцев, П.А.Шипицын, А.П.Удинцев, А.П.Рудаков, И.Д.Вирбитских и А.С.Стихин в разное время были членами городской Думы. Некоторые из перечисленных заключённых были известными благотворителями. Например, купец Стихин вносил крупные суммы денег на помощь бедным. В гимназии существовала стипендия его имени для оплаты учебы способных детей из бедных семей.

Около 5 часов утра 26 июля, как показал на допросе начальник тюрьмы И.Н.Семенович, комиссар тюрьмы М.А.Плотников по телефону получил от Ершова приказ о высылке заключённых: «Приготовить по списку присоединённых Егорова и Шалькова и направить в Чрезвычайную следственную комиссию». За заключёнными прибыл отряд около 20 человек. В приёмной книге арестантов рядом с фамилиями поставили отметки «Освобождён из тюрьмы». По словам младшего надзирателя тюрьмы Завьялова Григория Алексеевича, когда пробило 5 утра, в коридор вошел Плотников и приказал отпереть камеры No 1, 3, 5. Он по списку вызвал заключённых (21 человек). На вопрос, куда их поведут, ответил: «Вас отправляют в следственную комиссию, а потом отпустят домой». Когда заключённые ушли, комиссар отдал распоряжение вывести ещё и Рудакова Василия Тарасовича.

Старший надзиратель Комлев Иван Иванович был в караульном помещении, когда ему сказали, что к тюрьме идет конвой. Он пошёл в канцелярию, где Плотников сообщил, что нужно вывести заложников, и отдал приказ верхнему дежурному. Выведённых заключённых окружил конвой из 6 человек. По мнению Комлева, конвой состоял из русских, т.к. они чисто говорили на русском языке. Никого из них он не знал. Старший конвойный вынул револьвер и с разрешения комиссара повел заключённых. На вопрос Комлева, куда повели заключённых, Плотников ответил, что в Чрезвычайную следственную комиссию. Через некоторое время Комлев пошёл посмотреть, куда их увели. Он дошёл до Екатеринбургской улицы, где располагалась комиссия, но заложники уже шли за земской управой, пройдя мимо дома Казанцевых.

С 5 по 25 июля в тюрьме находился Ермолай Андреевич Москвичёв, обвинённый в контрреволюционности. 26 июля в 2 часа ночи к нему в окно постучались трое вооружённых людей. Он узнал Алексея Григорьевича Тутолмина и Петра Александровича Султанова, которые сообщили ему, что большевики грабят казначейство и, скорей всего, уйдут из города, а они попытаются освободить заключённых. Ещё они попросили Москвичёва в случае бегства заключённых укрыть их в своём доме. Около 5 утра он увидел из окна своего дома, как повели арестованных. По фигурам

он узнал Емельянова Н.Я., Грушина И.С., Дружицкого К.Ф. Конвой состоял не более чем из 5 человек, вооружённых винтовками. Сестра И.С.Грушина Мария Семёновна утром выпускала корову в стадо и увидела, как ведут заключённых. Впереди отряда шёл матрос. Она пошла за ними, но около больницы от волнения потеряла сознание. Очнувшись, она побежала дальше и увидела арестованных в котловине за немецким кладбищем. В стороне она увидела каких-то женщин, как ей показалось, тоже искавших арестантов. Она пошла к ним, но тут прозвучал ряд выстрелов, и, испугавшись, она пошла домой. Около 5 утра к Анисье Петровне Пахомовой прибежала Лотникова и сообщила, что арестованных повели в сторону вокзала. Она взяла 4000 рублей не заплаченной контрибуции и побежала на вокзал в поисках Торопова. По дороге она услышала выстрелы, которым не придавала значение. На вокзале Торопова не оказалось. Она пошла в дом Казанцевых, встретив в пути семью Зязиных, которые ей сказали, что некоторые заложники уже расстреляны. У дома она встретила Шамарина, сказала ему, что принесла деньги за сына, и рассказала о сообщении Зязиных о расстреле. Он сказал, что это неправда, затем переговорил с комендантом вокзала и сказал, что сын её жив и сейчас придёт. Шамарин взял деньги, выписал квитанцию об уплате всей контрибуции. Затем Пахомова пошла обратно на вокзал, где комендант Степанов на обратной стороне квитанции сделал надпись о разрешении освободить Владимира. Вернувшись в дом Казанцевых, Анисья Петровна застала там пьяных Ершова и еще пятерых неизвестных ей людей. Они торопливо складывали в портфель груды лежащих на столе денег. Она предъявила Ершову квитанцию и попросила освободить сына. На это Ершов затопал на неё ногами и закричал: «Нам теперь не до тебя» и выгнал прочь. Пахомова вернулась домой, но потом снова пошла на вокзал, по пути встретила незнакомых мужчин, которые сказали ей, что все заключённые, в том числе и её сын Владимир Пахомов, расстреляны.

Дочь Павла Ефимовича Зенкова Мария утром загоняла коров и увидела, как из тюрьмы вывели заключённых. Она прибежала домой и сообщила об этом брату Семёну и матери Анне Дмитриевне. Они, взяв с собой десятилетнего Константина и восьмилетнего Александра, на лошади направились к кладбищу. Они привязали лошадь к кладбищенской ограде, и в этот момент раздались выстрелы. Семён спустился под гору, а мать с детьми остались наверху. На глазах Семёна и его матери расстреливали группу из семи человек, среди которых был их отец и муж, а также Удинцев С.Я., Вирбитских И.Д., Дружицкий К.Ф., отец с сыном Зязины и 7-й, им неизвестный. Некоторые уже были расстреляны, а за холмом стояла другая группа из пяти человек. Группу поставили лицом к кладбищу, заставили сложить руки по швам. Стреляли в спину со стороны речки Грязнушки. Перед тем, как красноармейцы начали стрелять, Семён крикнул: «Я хочу одного заменить». Красноармейцы начали его ругать матерной бранью и навели на него винтовки, он отошёл и спрятался за деревьями. На мать Семёна красноармейцы тоже наводили винтовки, но не выстрелили. Красноармейцы выстрелили, пятеро, в том числе и Павел Ефимович, упали. На ногах остались отец с сыном Зязины, в них повторно выстрелили. Затем расстреляли другую группу из пяти человек. Людей, которые подавали признаки жизни, прикалывали штыками. Один из красноармейцев подошёл к лежавшему Зенкову и, сказав: «А ты ещё жив, собака», выстрелил ему два раза в сердце. Расстреливали пять человек, шестой, смуглый матрос с большими чёрными кудрявыми волосами, руководил расстрелом. Красноармейцы, судя по акценту, были не русские. После расстрела красноармейцы разошлись, а Семён с матерью уехали домой. После этого Семён вернулся и забрал тело своего отца.

За пять дней до расстрела в доме Зенковых был проведён обыск, при котором были отобраны товары, оставшиеся после продажи, и деньги в размере 5000 рублей. Обыск проводили 6 человек, среди них был один малознакомый Семёну Буньков из Гаевской области. Также Семён показал, что расстрел проводился по распоряжению Чрезвычайной комиссии под председательством Ершова. Из членов комиссии он знал Константина Ивановича Торопова и Шамарина. Матрос, руководивший расстрелом, был, по-видимому, членом комиссии и, по его поведению и разговорам, был влиятельным её участником. Торопов был энергичным деятелем,

Ершов был несколько снисходительней его. Когда Семён приехал хлопотать о возврате части отобранных товаров, Ершов согласился вернуть конфискованное, на что Торопов сказал: «Вы будете возвращать, а мы конфисковать, что же это у нас тогда будет?».

Элька Мовшевна Эфрус утром узнала, что её мужа и других арестованных повели на расстрел. Она собрала деньги и пошла в Чрезвычайную комиссию. Встретив Ершова, сообщила, что принесла контрибуцию, а он пообещал послать гонца, чтоб отменили казнь её мужа. Она выложила деньги на стол, возле которого стояли красноармеец и сестра милосердия, которые, видимо, незаметно похитили тысячу рублей. Ершов пересчитал деньги, которых оказалось только 4000 рублей, сказал: «Что вы дурака валяете?» и отправил её домой за оставшимися деньгами. Она заняла у знакомых деньги и вернулась к Ершову, он взял деньги, а арестованные к этому времени уже были расстреляны. Тело Эфруса М.Л. было потихоньку вывезено евреями с места расстрела и похоронено на еврейском кладбище.

Отец расстрелянного Федора Любимова, Сергей Алексеевич, около 11 утра пришёл в тюрьму, где от начальника узнал, что арестованных рано утром куда-то увели. Сам начальник ничего толком не знал, сообщил, что, возможно, их отправили рыть окопы. На обратном пути Любимов узнал, что где-то за немецким кладбищем лежат расстрелянные. Он направился туда и среди убитых отыскал тело своего сына. Он хотел вывезти его с места расстрела, но не смог найти лошадь, так как все боялись помогать ему, а тела тем временем перевезли в часовню при больнице. Там ему тело тоже не отдали, сославшись на то, что нужно разрешение военного врача Конгелари, которого можно найти на вокзале. Конгелари ему сказал, что это не его дело, он начальник фронта.

Утром следующего дня Сергей Алексеевич у коменданта в военном комиссариате узнал, что убитых похоронили на кладбище. Он поехал туда и нашёл яму с небрежно зарытыми трупами, они были лишь присыпаны землёй. Из-под земли торчали руки и ноги убитых, тело его сына лежало сверху.

Накануне расстрела совет комиссаров был в Крутом – место гуляний на окраине города. Сестра Грушина И.С., Мария Семёновна, видела, как комиссар Алексеевский проехал оттуда пьяный, на коленях у него сидела сестра милосердия, их сопровождал еще один пьяный, которого она не знала.

Анна Дмитриевна Зенкова показала, что надзирательница тюрьмы Горбатова рассказала ей о пари, состоявшемся между Ершовым и Шошиным. Шошин сказал Ершову, что он не может расстрелять всех заключенных, а тот сказал: «Могу!». И пьяный Ершов подписал бумаги о казни. Эти показания подтверждает Семён Павлович Зенков, он тоже слышал слухи о состоявшемся пари.

Утром 28 июля красные отступили из города в Ирбитский завод. И к вечеру Ирбит был занят Степными полками Белой армии. 1 августа следственная комиссия по г. Ирбиту и уезду под председательством Н.А.Щетинина, в составе А.М.Пьянкова, Н.И.Шехирева, С.Ф.Чувашова, врачей и понятых провела судебно-медицинский осмотр 8 трупов. В 8 часов утра комиссия начала работу между южной стеной православного кладбища и железнодорожной выемкой за мостом на переезде через железнодорожное полотно, где была обнаружена общая могила расстрелянных. Трупы были захоронены без всякого порядка, в одежде, на небольшой глубине.

Тела убитых были в сильной степени разложения. Из могилы их извлекали по два и проводили медицинский осмотр. После чего их укладывали в гробы и заливали дезинфицирующей жидкостью.

Из могилы были извлечены тела Емельянова Н.Я., Егорова М.В., Любимова Ф.С., Дружичко К.Ф., Котомина В.А., Шелькова Г.В., Мензелинцева Н.А., Казанцева В.В. Остальных, видимо, похоронили родственники и близкие.

Характер повреждений трупов: у всех есть пулевые отверстия в теменной или затылочной части головы. У многих на телах обнаружены раны, судя по отверстиям, нанесённые штыками. У некоторых на разных частях тела кровоподтеки, у двоих кровоподтеки на лице с повреждением костей черепа, у Казанцева, например, выбит левый глаз. Возможно, это следствие ударов прикладами.

Расстрел купечества и интеллигенции вызвал бурю негодования среди граждан города. Ряды Белой армии пополнились ирбитчанами. Был создан 8-й кадровый Уральский полк, 28-й Ирбитский полк горных стрелков. На фронт под Ирбитский завод был отправлен ударный батальон, состоящий из учащейся молодежи Ирбита. Но была и отрицательная черта. Мсть. Комендант города корнет Мензелинцев и комендант тюрьмы Вирбитских, мстя за своих родственников, отправили на расстрел не один десяток человек. Вообще, волна ответной агрессии против красных в Ирбите была ярко выражена и продолжалась в течение всего времени нахождения Ирбита во власти белых.